

На достаточном расстоянии Мастер Чен Чен остановился: «Женщина-благотворительница, прости меня, я вижу дыхание мертвого человека в бровях девушки. Думаю, девушка боится бедствия в прошлом и настоящем».

Чэн Сюэ была озадачена: «Кто умер? Будут ли бедствия в прошлом и настоящем?» Но когда она об этом думает, это правда, что в ее прошлой жизни ее ударила молния во время миссии, а в этой, то есть она проснулась после пересечения. Приходить, приходить сюда — это бесконечной побег.

Видя ее задумчивость, в глазах Мастера Ляочена промелькнуло твердое, удивленное и даже недоверчивое выражение: «Женщина-благотворительница, одна жизнь виновна в сакуре в течение семи дней, как насчет того, чтобы выслушать Лао На?»

Внезапно усомнившись и моментально удивившись, на ее бледных снежных щеках выражение ее лица было неопределенным: «У хозяина нет доказательств, почему вы это сказали?»

Мастер Ляочен вздохнул к небу: «Благотворительница ничего не знает. У Лао На всегда есть странный сон. Во сне женщина с необыкновенным темпераментом часто чувствует себя потерянной под цветущей вишней. Мне жаль. Будда сказал, что я буду предназначен ей однажды. Увидимся, вы можете ей сказать...»

Прежде чем Великий Магистр Чен закончил говорить, Чэнсюэ решительно остановила его: «Есть такое, но то, что сказал хозяин, чем-то похоже на меня». Чэнсюэ действительно трудно слышать подобное.

Мастер Ляочен слегка прикрыл глаза и грустно посмотрел: «Глаза женщины-благотворительницы в точности такие же, как у женщины во сне Лао На. Лао На должен сказать слова Будды, будь то женщина-благотворительница или нет».

«Будда?»

«Да, пыль улеглась в прошлой жизни, а сегодняшняя жизнь виновна в семидневном цветении сакуры, ухабистой дороге. Мировые дела, кроме жизни и смерти, остальное — суэта!»

Чэнсюэ мгновенно потеряла цвет и пробормотала: «Пыль улеглась в прошлой жизни, а сегодняшняя жизнь виновна в семидневном цветении сакуры, ухабистой дороге. Мировые дела, кроме жизни и смерти, остальное — суэта...»

Читая эти несколько слов, почему в моем сердце боль, которую я не могу передать словами?

«Слова Лао На дошли до этого, я надеюсь, что женщина-благотворительница будет дорожить ими в будущем, и Лао На уйдет первой».

После того, как Чэн Сюэ и ее команда ушли, Муронг Ю осмотрел храм Хуашань и не увидел тени своей сестры. Он бросился в главный зал храма Хуашань и случайно встретил Мастера Чена.

«Мастер, вы случайно не видели женщину в простой одежде с ясными зрачками...»

Прежде чем Муронг Ю закончил говорить, маленький послушник-монах рядом с Мастером Ченом увидел его и Чэн Сюэ первыми, поэтому он выпалил: «Девушка, о которой говорил сын, вернулась в дом с Лордом Шуньтянем!»

...

Чэн Сюэ почти забыла, как попала в Цанлун Шуньтянь, зная только, что ее окружила группа людей на паланкине, а потом она не проснулась.

Не знаю, сколько времени прошло, Шизука прибыла вовремя: «Хозяин, это у подножия горы, я принесу карету».

В паланкине раздался холодный голос: «Хмм!»

Он соскочил с паланкина, нежно обнял Оранжевый Снег и пошел прямо к карете, не обращая внимания на группу людей позади него.

Личная охрана Цанлун Шуньтянь, Гу Ю, также пришел поприветствовать его, и прежде чем его хозяин приказал ему, он заплатил достаточно серебра людям позади Цанлун Шуньтянь и отправил их прочь.

Когда голубой дракон сверкнул в небе, Гу Ю уже успел быстро подъехать: «Хозяин, мы возвращаемся во дворец, будьте осторожны!»

Тот же холодный ответ: «Хмм!»

В этот момент его энергия была занята Оранжевым Снегом, и не было сердца думать о других вещах.

Видя, как она ошеломлена в оцепенении, с бледным и слабым лицом, слабым дыханием, все ее тело как будто парализовано в его руках.

Он только чувствовал, что в его сердце что-то сжалось, и внезапно он нетерпеливо отрезал занавеску экипажа: «Стоп, пускай Шизука принесет немного десерта и воды с собой».

«Позови...» Гу Ю сразу же оборвал сам себя, получив указание от хозяина, «Слушаюсь!»

Господин!»

Перед тем как Шизука подбежала, готовясь поставить еду и воду, Златой Дракон Шуньтянь приказал: «Садись в карету, Шизука!»

Шизука, которую необъяснимым образом обманули, не могла не сесть в карету хозяина: «Господин, вот десерт и вода, которые вы просили».

Златой Дракон Шуньтянь взял еду, слегка нахмурившись: «Пойди и накорми её».

Шизука только заметила апельсиново-белую девушку, упавшую в объятия господина в обморок, и испугалась: «Господин, только что апельсиново-белая девушка чувствовала себя прекрасно, почему она так обессилела?»

Казалось, он не расслышал вопроса Шизуки, но слово «апельсиново-белая» он услышал чётко и, похоже, задумался.

«Апельсиново-белая?»

Видя такое состояние господина, Шизука не осмелилась спрашивать, осторожно подняла апельсиново-белую девушку и с трудом влила в её рот воду.

«Шизука, о чём ты с ней говорила?»

Шизука не стала отвечать, не подумав: «Ни о чём серьёзном. Она спрашивала господина, давно ли он здесь живёт, а я сказала ей про господина, который приехал на гору Хуашань отдыхать. А, ещё... когда я переодевала её, она спросила, не ранен ли он?»

«Ранен?»

Видя, что господин снова нахмурился, Шизука почувствовала, что вот-вот доставит ему новые хлопоты: «Да, господин, но рана ерундовая...»

«О чём ещё вы говорили?»

Шизука тщательно вспомнила, не поднимая глаз: «Ни о чём, господин!»

«Ладно!»

Хотя воспоминание было тщательное, то, что она посчитала несущественным, для Златого Дракона Шуньтяня таковым не являлось, а она всего лишь служанка, откуда ей знать секреты господина?

Из-за того, что служанка отнеслась к этому несерьёзно, она забыла, что сама же сказала Чэн Сюэ о том, что господин не умеет драться, и не упомянула об этом. Оказывается, она действительно не знала, что её господин умеет боевые искусства.